

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: РИТМЫ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ ДИНАМИКИ

POLITICAL GEOGRAPHY OF THE BLACK SEA REGION DURING THE SECOND WORLD WAR: RHYTHMS AND PATTERNS OF DYNAMICS

*E. Kurenkova
M. Dvorkovaya
A. Larionov*

Summary: The article is devoted to the problem of fluctuations of political borders and comparative limits of influence of the Black Sea states during the Second World War. On the basis of generalization and analysis of factual material, changes in the degree of influence of states over different periods of the war, the international role of the Pontic region in 1939–1945 are traced. The interrelations between macro–historical and geopolitical trends on the one hand and the phenomenology of the history of everyday life of the region on the other hand are established. Conclusions are drawn about the key role of the Soviet Union in maintaining the geopolitical balance and positive development of the region, as well as about the fundamental harmfulness of interference by external actors in the Black Sea zone with their geopolitical ambitions and projects.

Keywords: World War II, Black Sea region, political geography, geopolitics, everyday life.

Куренкова Евгения Алексеевна

кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО
«Государственный университет просвещения»
ea.kurenkova@mgou.ru

Дворковая Марина Васильевна

кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО
«Государственный университет просвещения»
marinadvorkovaya@yandex.ru

Ларионов Алексей Эдиславович

кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО
«Государственный университет просвещения»
allar71@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена проблеме флуктуаций политических границ и сравнительных пределов влияния причерноморских государств в период Второй Мировой войны. На основе обобщения и анализа фактического материала прослеживаются изменения степени влияния государств по разным периодам войны, международной роли Понтийского региона в 1939–1945 гг. Установлены взаимосвязи между макроисторическими и геополитическими тенденциями с одной стороны и феноменологией истории повседневности региона – с другой. Сделаны выводы о ключевой роли Советского Союза в поддержании геополитического равновесия и позитивного развития региона, а также о принципиальной пагубности вмешательства внешних акторов в зону Чёрного моря со своими геополитическими амбициями и проектами.

Ключевые слова: Вторая Мировая война, Черноморский регион, политическая география, геополитика, повседневность.

Статус России как черноморской державы столь же бесспорен, как принадлежащий ей маркер Евразийской цивилизации. Из чего вытекает никогда не теряющая актуальности потребность изучения различных аспектов присутствия России на побережье Чёрного моря и тяготеющих к нему континентальных зон – в соотношении с другими субъектами международной политики в Циркумпонтийском регионе. За всю письменную историю Старого Света в истории Чёрного моря очень мало кратких моментов, когда бы в Причерноморье условно доминировала одна держава. Такое положение является скорее редким исключением, нежели правилом геополитического бытия региона.

Более того, стоило объявиться претенденту на гегемонию, как происходила самоорганизация системы в сторону противодействия. Даже при условии подавляющего превосходства в силах над всеми противниками (как это было, например, на пике военно-политической мощи Османской империи), находились бесстрашные

энтузиасты, не боявшиеся бросить вызов имперской мощи (запорожцы, гайдамаки) и политики, которые своими дипломатическими и военными действиями ставили под сомнение и подтачивали доминирование гегемона, у которого просто не хватало сил задавить своих противников до конца. Особенно, если учитывать необходимость поддерживать своё доминирование в других регионах. Рано или поздно Причерноморская геополитическая система возвращалась к своему равновесному состоянию, основанием которого служил баланс сил, владений и влияния нескольких государств, имеющих выходы к Чёрному морю, заключивших между собой соглашения, служившие гарантиями равновесия и адекватного поведения.

Попытки тех или иных политических субъектов нарушить сложившийся status quo неизбежно приводили к дестабилизации и войнам разного масштаба и ожесточения. В этом случае Причерноморье превращалось в арену жестоких сражений на суше и на море, массовых

страданий населения в благодатном от природы регионе. В конечном итоге, равновесие восстанавливалось, хотя сама ситуация и расклад сил вокруг Понта Эвксинского могли существенно измениться.

Таким образом, мы формулируем следующую парадигму геополитической истории Причерноморья: на протяжении столетий оно служило и служит центром притяжения заинтересованного и небескорыстного внимания многих государств-субъектов международной политики, формируя сложный комплекс интересов, взаимодействий, противоречий, конфликтов и сотрудничества. В результате отдельные государства, даже самые мощные превращались в актёров на сцене в почти неизменных ландшафтных декорациях. Каждая историческая эпоха может рассматриваться как очередная страница бесконечной исторической драмы. Причерноморский регион обладает способностью подчинять себе, своему влиянию и притяжению тех, кто хоть однажды осознал себя его частью.

Политические границы проходят поверх границ ландшафта и гораздо менее статичны. Их изменчивостью и объясняется наш неослабевающий интерес к прошлому Причерноморья, особенно – к переломным моментам и периодам, когда определялись политико-географические реалии на последующие века или, как минимум, десятилетия. Именно таким судьбоносным временем для политической географии Черноморского региона стала Вторая Мировая война, когда в течение всего лишь 6 лет (ничтожный по историческим меркам срок!) расклад сил менялся неоднократно и радикально, словно бы история компенсировала прежние десятилетия гомеостаза.

Какая политико-географическая ситуация существовала в Причерноморском регионе накануне 2-й Мировой войны? После бурных катаклизмов Первой Мировой войны, революции и Гражданской войны в России, завершившегося образованием СССР, политической трансформации Турции при Мустафе-Кемале Ататюрке, установления границ государств Дунайско-Балканского региона в рамках Версальской системы политические границы Причерноморья к середине 1920-х годов стабилизировались. На 1 сентября 1939 года самыми значимыми субъектами политической географии в регионе были СССР на севере и Турция на юге. При этом Советский Союз обладал наибольшей протяжённостью морской границы – более 1800 км (РСФСР, Грузинская и Украинская ССР) [5]. Турция занимала 2-е место – около 1600 км. На этом фоне черноморские владения Румынии и Болгарии выглядят скромно – 400 и 375 км соответственно. Но стабильность эта была непрочной, покой – обманчивым. Менее чем через два года политическая карта изменилась: к СССР отошло около 150 км побережья между устьями Дуная и Днестра. Потерпевшей

стороной выглядела Румыния. Чьё побережье, таким образом, сжалось до 245 км. Если рассматривать протяжённость береговой полосы как выражение влияния, то СССР его явным образом расширял [4]. После 22 июня 1941 года расклад сил в Черноморском регионе вновь меняется: на берегах Чёрного моря появился новый субъект с очень большими амбициями – нацистская Германия. Ожесточённые бои на южном фланге советско-германского фронта, успехи Германии и её союзников в 1941-1942 гг. не замедлили отразиться на политической географии Понтики. К середине лета 1942 года всё Северное Причерноморье было для СССР потеряно. Под контролем Советского Союза остался участок около 800 км от Новороссийска до Сарпи в Грузии на турецкой границе. Береговая линия Турции оставалась неизменной. Берег Южной Бессарабии вернулся под политический контроль Румынии – прежде всего, благодаря Германии. Болгария осталась при своём. Зато Германия, никогда исторически не бывшая черноморской державой стала практически единовластной хозяйкой почти 2000 км Северного Причерноморья (учитывая вассальный статус Румынии и Болгарии) и почти 1500 км берега Азовского моря – древней Меотиды.

Можно попытаться экстраполировать тенденцию усиления черноморского влияния Германии в жанре исторической альтернативы: если бы Советский Союз потерпел поражение, то под контроль Германии перешли бы и те 800 км Черноморского побережья Кавказа, которые летом 1942 года контролировал СССР. На этом гипотетическом фоне 1600 км Южного Причерноморья, принадлежавшие Турции, выглядели бы откровенно бледно. В присущем ему историческом визионерстве Гитлер вполне мог наречь подконтрольную акваторию «Готским морем», памятуя о присутствии готов в регионе в IV-V вв. Тем более, что Крымский полуостров в нацистской топонимике должен был получить наименование «Готенланд» (Земля готов), что дополнялось проектом массового переименования населённых пунктов Крыма, а в перспективе, вероятно, тотальной смены всей крымской топонимики: «В конце 1941 года Розенберг, ставший к тому моменту рейхсминистром восточных оккупированных территорий, докладывал Гитлеру о прогрессе в проекте относительно германизации Крыма. Фюрер благосклонно выслушал предложения министра о переименовании Симферополя в Готенбург («город готов»), а Севастополя – в Теодорихсхафен / Теодориххафен («гавань Теодориха»). Новая столица «имперской области Готенланд» должна была появиться на Ялтинской гряде. Из всех запланированных нацистами глобальных переименований в жизнь претворить удалось лишь немногие. Так, одна из центральных улиц Симферополя, Февральская, была переименована в «Готскую» (Gotenstraße). «Готской короной» (Gotenkrone) был назван производившийся в крымских подвалах коньяк, а «готской головой» (Gotenkopf) – Перекопский перешеек – стратегически

важный проход на севере полуострова» [6].

Проектируя радикальную смену географических наименований в Крыму, гитлеровцы, фактически стремились легитимировать и символически конституировать свою власть над полуостровом, придавая своему господству исторические обоснования. Геополитика сплеталась с исторической метафизикой, переходя в символическую коммуникацию. Опять-так, можно было ожидать, что Крым – это своеобразный полигон, по образцу которого топонимические метаморфозы ожидали и другие субрегионы Причерноморья.

Встаёт вопрос о том, как сложилась бы судьба Южного Причерноморья в рамках геополитики «нового порядка». Вероятно, поначалу, Гитлер бы продемонстрировал доброжелательность к Турции, не чуждой прогерманских реверансов. Но с течением времени германский гегемонизм, подкреплённый военной и экономической мощью, также постарался бы превратить Турцию в подконтрольного вассала, если не в протекторат «Тысячелетнего Рейха». Таким образом, Германия в 1941-1942 гг. двигалась в направлении установления полного контроля над Понтийским регионом [9]. Уникальность ситуации состояла в том, что на роль черноморского гегемона претендовало государство, которое исторически никогда не было причерноморским. Рассуждения о преемственности с крымскими готами лежат в области параисторических спекуляций. Однако, как показывает исторический опыт, столь масштабные имперские амбиции должны были неизбежно столкнуться с возрастающим сопротивлением как внешних политий, так и тех сил, которые оказались под пятой завоевателей. Это сопротивление подтачивало силы захватчиков и ставило под сомнение их амбиции по полноте контроля в Причерноморской зоне. Примером могут служить действия советских партизан и подпольщиков в Крыму, Одессе, Николаеве и т.п. Таким образом, подвиги и жертвы советских партизан и подпольщиков, кроме военно-политического и идеологического аспекта, объективно имели и геополитическое измерение, препятствуя полноте германской теллуро- и талассократии в Черноморском регионе.

Неожиданно в начале 1942 года на Чёрном море появился ещё один фигурант «большой политики» с неопределёнными притязаниями на долю в дележе «черноморского пирога» – Итальянское королевство (фактически – фашистская диктатура Бенито Муссолини, слегка задрапированная традиционным институтом монархии). Уроженцы Италии вернулись в Крым спустя более 450 лет после того, как турецкое вторжение в 1475 году положило конец генуэзским колониям на полуострове. Возможно, Муссолини, также тяготеющий к исторической метафизике в духе Римской империи, хотел усматривать некую историческую преемственность, на-

правляя ВМС Италии в акваторию Чёрного моря. Чисто военное присутствие итальянцев никак не отразилось на политической географии – с формальной точки зрения они действовали на территории подконтрольной Германии без каких-либо договорённостей и гарантий, что после окончания войны им будет выделен какой-то кусок Черноморского берега. Следовательно, объективно итальянцы выступали в роли вассалов Германии, которая не собиралась делиться самыми лакомыми кусками добычи. Так, в дневниковой записи от 24 июня 1941 года начальник германского генштаба Франц Гальдер пишет: «Фюрер ни в коем случае не хочет допустить в Крым итальянцев, корпус которых перебрасывается в Румынию» [3]. Таким образом, геополитическая алчность Германии провоцировала в будущем нарастание противоречий между союзниками, даже в том случае, если бы фашистские авантюрные планы мирового господства увенчались бы успехом. Однако, в течение полтора лет, с марта 1942 по август 1943 года пребывание и активные действия итальянцев на Черноморском ТВД, в городах и посёлках береговой линии Крыма являлись историческим фактом. Итальянские матросы и офицеры восхищались дивной крымской природой, купались и загорали на крымских пляжах Ялты, Фороса, Феодосии... [7] Казалось, ещё одна историко-геополитическая иллюзия близка к осуществлению. Если следовать политической мифологии Гитлера и Муссолини, то на берегах Чёрного моря одновременно присутствовали потомки готов, древних римлян и генуэзцев XIII-XV вв. Развалины крепостей Мангупа, Судака/Солдаи, Феодосии/Каффы, Балаклавы/Чембало, Херсонеса пробуждали в сознании завоевателей грёзы о прошлом, которые они намеревались воплотить в настоящем. Исторический миф претендовал на то, чтобы стать геополитической реальностью [8].

Как хорошо известно, реальный ход исторических событий разрушил эти визионерские геополитические спекуляции. И произошло это благодаря колоссальным и вполне материальным усилиям Советского Союза – солдат, матросов, офицеров РККА и Черноморского флота, грамотной стратегии и компетентному (несмотря на неизбежные ошибки) государственному и военному руководству, напряжённому труду советских людей в тылу, героизму и жертвенности партизан и подпольщиков, высочайшему профессионализму советских спецслужб, на длинной дистанции переигравшим абвер и гестапо. Едва ли большинство советских людей в своих повседневных усилиях в тылу, на фронте и в оккупации мыслили такими категориями, как «власть над пространством», «теллуократия» и «талассократия», «борьба Моря и Суши», «власть над побережьем» и прочими дефинициями классической геополитики. Но объективно получается, что совокупные жертвенные усилия советского общества стали мощным рычагом изменения вектора геополитического развития. После прохождения ниж-

ней точки своего влияния в Причерноморье летом 1942 года Советский Союз (как субъект геополитики) сначала стабилизировал ситуацию, а затем смог развернуть её в обратную сторону. Не будет открытием сказать, что важнейшую роль в этом процессе сыграла Сталинградская битва. Вначале германское военно-политическое руководство сконцентрировало на Сталинградском направлении свои главные усилия и резервы, что объективно привело к снижению давления на южный фланг советско-германского фронта который как раз и упирался в Чёрное море и Кавказ. Сложилась парадоксальная ситуация, когда вопрос о будущем господстве в Причерноморье решался за сотни и тысячи километров от побережья – под Сталинградом и подо Ржевом. Эти гигантские сухопутные сражения оттягивали на себя львиную долю ресурсов Рейха и его союзников, не позволяя довести до логического конца установление доминирования в Северном Причерноморье. С точки зрения классической геополитики (Челлен, Макиндер, Хаусхофер) мы имеем в данном случае яркий пример обратного влияния, когда не хозяин побережья осуществляет перманентное давление на внутренние континентальные массы, сжимая и удушая их в «объятиях анаконды», но наоборот, несокрушимый континентальный массив навязывает свою политическую волю побережью, одновременно не позволяя дерзким пришельцам укоренить своё господство не только на суше, но и на море.

Конец 1943 года и весь 1944 год СССР успешно восстанавливал и даже наращивал своё влияние на Черноморском побережье. После очищения Южной России и Украины от захватчиков пришёл черёд незадачливых союзников Германии, у которых появилось время оценить опрометчивость своих прежних решений. После Яско-Кишиневской операции и Сентябрьской революции в Болгарии, Румыния и Болгария резко сменили свою политическую окраску с «коричневой» на «красную». Они не просто вошли в зону военно-политического влияния СССР, но и стали его союзниками на ближайшие 40 с лишним лет. В геополитическом отношении это означало прибавление ещё 600 километров черноморского берега к зоне, подконтрольной Советскому Союзу. Чья зона приморского контроля (как прямого, так и косвенного, через новых союзников) (на считая Азовского моря) достигла к началу 1945 года почти 2500 км! Ни Римская империя, ни Византия, ни даже Османская империя на пике своей мощи не могли похвастаться такой полнотой контроля над Северным Причерноморьем – вплоть до глубинных континентальных земель, тяготеющих к побережью Чёрного моря. Эти изменения в распределении сил и влияния на Чёрном море происходили стремительно, в течение 1,5-2 лет. Но, как показали ближайшие события, достигнутые позиции доминирования в Черноморском регионе ещё не были пределом. В первые же три месяца 1945 года Черному морю было суждено стать центром, из которого вершились судьбы мировой поли-

тики и определялся ход истории с расстановкой сил на ближайшие полвека.

Авторы подразумевают Ялтинскую конференцию союзников по Антигитлеровской коалиции и её решения о послевоенном мироустройстве. Небольшой курортный город на Южном берегу Крыма принимал руководителей трёх сильнейших держав эпохи. Символически, можно сказать, Ялта и Ливадийский дворец стали мировой столицей, откуда исходили решения, обязательные для всего Земного шара, оспорить которые, объективно, не мог никто. Тот факт, что принимающей стороной выступал Советский Союз, менее года назад освободивший всю береговую линию Крыма и Северного Причерноморья, определял всемирно-историческую роль СССР как вершителя мировых судеб и... Черноморской державы. В итоге получалось, что евразийская черноморская держава превратилась в важнейший центр всемирной истории, несколько гиперболизируя, можно сказать, что Советский Союз в результате военных побед и Ялтинской конференции в роли агента Понта Эвксинского распространил влияние последнего на всю ойкумену. Ни до, ни после зимы-весны 1945 года Чёрное море более не достигало такого статуса всемирно-исторического значения [10]. При этом, показательно, что СССР, в отличие от той же Германии или от Турции в период её имперского величия, не стремился установить своё безусловное доминирование во всём Черноморском регионе. Баланс сил и гарантии безопасности устраивали Сталина гораздо больше, нежели погоня за эфемерной и затратной целью абсолютного господства в акватории Чёрного моря и прилегающих континентальных зонах. Осмелимся высказать предположение, что даже если бы Турция не соблюла своего прогерманского нейтралитета, выступив в какой-то момент на стороне держав Оси, то и в этом случае Сталин не пошёл бы на полное «обнуление» Турции как Черноморской державы после Победы. Хотя, безусловно, вмешательство Турции сильно осложнило бы обстановку в регионе и положение там СССР – в частности.

Как становится очевидным из произведённого анализа, в период Второй Мировой войны, всего за каких-то 6 лет (ничтожный по меркам мировой истории срок) Причерноморье претерпело сильнейшие пульсирующие метаморфозы распределения зон влияния и реального могущества между отдельными государствами.

Анализируя политико-географические трансформации Причерноморья, мы не вправе забывать об их социально-историческом и историко-антропологическом измерениях. Поскольку любые геополитические штудии имеют смысл только в том случае, если та или иная территория заселена людьми. Человеческая составляющая макроистории и геополитики является неотъемлемым условием полноты понимания изучаемых объектов, в противном случае неизбежны абберрации, превращаю-

щие человека в статический материал и детерминирующие человеческую историю, т.е. лишаящие её смысла и этической проблематики.

В этой связи совершенно очевидно, что большие изменения в сфере политической географии Причерноморья в период Второй Мировой войны, происходя в течение очень короткого отрезка времени, оказали огромное и глубокое влияние на жизнь десятков миллионов людей, определив их судьбу и определяя экстремальные формы повседневности. Например, уже сравнительно небольшое изменение политгеографии Причерноморья в 1940 году, когда к СССР отошла Южная Бессарабия, в судьбах десятков тысяч человек населения этого края произошли быстрые и значительные перемены: они оказались в рамках иного идеологического, политического и социального порядка. Однако, то было только начало грандиозных социальных катаклизмов.

После нападения нацистской Германии и её сателлитов на СССР начинаются столкновения огромных масс войск с обеих сторон: происходит формирование фронтовой повседневности с её легитимацией смерти, многокилометровых маршей, чередования отступления, обороны и наступления в любую погоду, питания из полевых кухонь или с «бабкиного аттестата», ночёвок в землянках и голой степи... В то же время сотни тысяч гражданских лиц направляются в стихийную и организованную эвакуацию, оказываются сорванными с насиженных родных мест, идут и едут, разбегаются под бомбёжками, изнемогают от голода и жажды, теряют родных в огненной круговерти... В свою очередь, те, кто остаются на покидаемой советскими войсками территории, в скором времени оказываются в оккупации. Для кого-то она стала временем героической борьбы и смерти за Родину, для других – периодом адаптации, выживания по принципу «день прошёл и ладно», для третьих – временем радостного принятия «нового порядка», сведения старых счётов, приобретения власти и привилегий. В Крыму руками крымско-татарских националистов истребляется русское и еврейское население при одобрении немецких властей, то же самое творят бандеровцы на Украине. Потомки немецких колонистов часто не могли устоять перед соблазнами нацистской пропаганды.

Характерным примером могут служить страшные в своей будничности события в местечке Доброе под Николаевым со смешанным немецко-еврейским населением, ранее жившим вполне дружно: «Фашисты заняли село без единого выстрела в конце августа 1941 года, а 2 сентября оставшихся жителей — стариков, детей, больных — они согнали на край села и всех 257 человек расстреляли. Были расстреляны мои близкие: дедушка, бабушка, тетя Хая, Сура, жена Иосифа, дядя Вельвел, двоюродная сестра Бася в возрасте 15 лет. Расстреляли их на немецком кладбище возле оврага. Бабушка тогда ходить

не могла, ее везли на повозке. Бася сбежала и спряталась в скирду соломы. Немцы вилами разворошили эту скирду, вытащили ее и убили. Больше всего меня возмущает то, что большинство участников убийств были немцами, жителями нашей деревни» [2]. Не будет преувеличением считать, что подобные картины происходили на большей части Северного Причерноморья, оказавшейся в зоне немецко-фашистской оккупации.

Геополитические сдвиги дорого обходились простым людям. История не проходила мимо, но шла по людям подобно мифическим «колесницам Джаггернаута». Своя повседневность была у партизан и подпольщиков – в катакомбах Одессы и Аджимушка, в Крымских горах. Потом последовали новые перемены: изгнание оккупантов, восстановление Советской власти, депортация из Крыма татар, греков. Таким образом, в течение всего периода Второй Мировой войны мы можем констатировать очень высокую степень множественности модусов повседневной жизни, которая служила зеркальным отражением сдвигов в сфере политической географии.

Многослойность повседневности военного времени намного превосходит таковую в мирное время. Однако, полагать людей бессловесными жертвами и присваивать им только лишь страдательный статус было бы глубоко неправильным. Виктимизация дискурса есть ангажированное и конъюнктурное искажение, которое в итоге оборачивается «синдромом Коли-из-Нового Уренгоя», уравниванием СССР и нацистской Германии, оправданием украинских и крымско-татарских пособников Гитлера как якобы «борцов за свободу» [Пример дискредитации Советской эпохи и виктимизации памяти, см.: 11].

Не забывая сочувствовать страданиям миллионов простых обывателей, в то же время следует рассматривать повседневность Причерноморья в широком историческом контексте и в связи с теми ценностными установками, которые наполняют жизнь человека смыслом. В данном случае правильно будет говорить о том, что каждый человек делал свой выбор, как себя вести, кого поддерживать и за что бороться. Советские солдаты и матросы защищали Родину, а могли бы дезертировать или сдать. Гражданские лица, даже оставшиеся в оккупации, не обязательно могли выбрать путь активной борьбы, но могли просто выживать либо встать на путь пособничества оккупантам. Наконец, военнослужащие германских, румынских, итальянских вооружённых сил могли просто действовать в рамках воинских уставов и приказов, а могли издеваться над мирными жителями, грабя их и убивая.

Весьма показательно, что в конечном итоге победила та модель повседневности, которая определялась жертвенным выбором советских воинов, героев-партизан и подпольщиков, тех, кто хотя бы сочувствовал Советской

власти и ждал её возвращения. Этот свободно-волевой выбор большинства не просто стал основой для формирования той геополитической реальности, которая сделала СССР безусловным лидером Причерноморья, превратив сам регион в центр свершения мировой истории зимой-весной 1945 года. Он оказался сильнее иных моделей повседневности, которые сосуществовали и конкурировали с ним в период активных военных действий и немецко-румынско-итальянской оккупации Северного Причерноморья и Крыма.

Паттерны повседневности оккупантов (господство и подавление), равно как и их пособников (месть, грабежи, русофобия и антисемитизм) в исторической перспективе оказались нежизнеспособными, хотя на пике немецких успехов примазавшиеся к захватчикам предатели сами себе казались всесильными. А достигнутые ими власть и материальное благополучие представлялись прочными и непревзойдёнными. Однако всё это продержалось менее 3-х лет. Так мы выходим на проблему конструирования «иллюзорной повседневности» на основе ложной геополитической аксиологии и телеологии. Они как бы подпитывают друг друга, не имея при том действительной опоры в исторической реальности. В конечном итоге, в Причерноморье остались только те акторы, которые были там укоренены исторически и конструктивно.

Политическая география опирается на повседневность и, в свою очередь, поддерживает её государственной мощью. Но всё это способно к существованию и развитию в длительной исторической перспективе только в случае соответствия интенций геополитики и повседневности не только друг другу, но и, прежде всего, действительным ценностям и законам истории. Которые, по нашему убеждению, на этапах Нового и Новейшего времени воплощает и олицетворяет собой баланс сил и интересов автохтонных Черноморскому региону держав. Нарушение данного баланса в период Второй Мировой войны в результате вмешательства чуждых внешних сил привело к колоссальным социальным потрясениям и человеческим жертвам, нанесло огромный экономический ущерб, привело к гибели значительной части культурного наследия Черноморского региона. Однако, затем, оправившись от первичного шока, сложная политико-географическая система Черноморского региона возвратилась в равновесное состояние и в те-

чение достаточно короткого времени восстановила размеренный и конструктивный уклад жизни, основанный на созидательной экономической и культурной деятельности. Тогда как внешние паразитарные тенденции были надолго подавлены и изгнаны за пределы региона. Главная заслуга в этом принадлежит, бесспорно, Советскому Союзу как важнейшему субъекту политической географии и истории Причерноморья в XX веке, исторической модификации Российской цивилизации. Которая, таким образом, оказывается залогом поддержания стабильности и устойчивого позитивного развития всего Черноморского региона. Даже память об СССР несёт в себе конструктивный заряд для выстраивания современной российской политики в Понтийском регионе [1].

Применительно к истории Понтийского региона период 1939-1945 гг. во всемирно-историческом контексте может быть рассмотрен как очередной виток борьбы государств за влияние в Черноморском регионе. Вторая Мировая война в этом отношении несёт в своём историческом опыте очень важный урок: любое внешнее вмешательство, тем более военного типа, в политическую географию Причерноморья неизбежно несёт в себе семена деструкции и эскалации насилия, потому должно быть, по возможности, купировано на начальных этапах. Если же этого не удалось, то необходимо его ликвидировать любыми доступными средствами. Поскольку, в противном случае, оно оказывается зародышем раковой опухоли, угрожающей цивилизационной идентичности причерноморских народов и их суверенному существованию. Если же какая-то Причерноморская держава позволяет втянуть себя в военно-политический союз с внешним геополитическим актором, это неизбежно оказывается предательством и разрушением исторических интересов Причерноморского региона. И рано или поздно приведёт к войне, кровопролитию и разрушениям. Региональная система политических отношений в Причерноморье, возникшая по итогам Второй Мировой войны, обладала солидным запасом прочности и являлась основой конструктивного развития Черноморского региона на протяжении почти полувека. Её разрушение после крушения СССР породило целый комплекс проблем, которые в обозримой перспективе будут только усугубляться. Пути их решения, равно как и общий анализ политической географии Причерноморья современности составляют предмет для дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багдасарян В.Э., Журавлёв В.В., Ларионов А.Э., Федорченко С.Н., Шульц Э.Э. Восприятие Советского прошлого в контексте формирования новых идентичностей, войн памяти и образов будущего на постсоветском пространстве. М.: Проспект, 2022. – 304 с.
2. Боград П.Л. От Заполярья до Венгрии. Записки двадцатичетырехлетнего подполковника. 1941-1945. М.: ЗАО Центрполиграф, 2009 // http://militera.lib.ru/memo/russian/bograg_pl01/index.html Дата обращения 11.04.2023.

3. Гальдер Ф. Военный дневник. Июль 1941 года // http://militera.lib.ru/db/halder/1941_06.html Дата обращения 03.04.2023.
4. Географический атлас СССР для средней школы. 1941 год // <https://istmat.org/node/44869> Дата обращения 30.03.2023 г.
5. Карманный атлас СССР 1939 г. // <http://minchanin.esmasoft.com/maps/ussr1939/> Дата обращения 30.03.2023 г.
6. Кизилов М.Б. Крымские готы и Крым в нацистской идеологии // <https://ru-sled.ru/krymskie-goty-i-krym-v-nacistskoj-ideologii/?ysclid=lg0irciwu9164832019> Дата обращения 03.04.2023.
7. Коскова А.С. Итальянские королевские военно-морские силы на Черноморском театре войны: 1942-1943 гг. // <https://moluch.ru/conf/hist/archive/243/12720/?ysclid=lg0n4ikihi805226095> Дата обращения 03.04.2023.
8. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: ЯСК-Гнозис, 2022. – 696 с. Понятие «мифа» используется авторами не в вульгарном понимании вымысла, но в трактовке А.Ф. Лосева как высшей реальности или абсолютного бытия, «в словах данной чудесной личностной истории»;
9. Сеницын Ф.Л. Северное Причерноморье в захватнических планах Третьего Рейха и его сателлитов (1940-1944 гг.) // Вестник РУДН. Серия «История России». №4/2016. С. 39-45.
10. Шевченко О.К. Триумф власти. Советская историософия Ялтинской конференции. М.: Алгоритм, 2020. – 256 с.
11. Эппле Н. Неудобное прошлое. Память о государственных преступлениях в России и других странах. М.: НЛО, 2020. – 576 с.

© Куренкова Евгения Алексеевна (ea.kurenkova@mgou.ru), Дворковая Марина Васильевна (marinadvorkovaya@yandex.ru), Ларионов Алексей Эдиславович (allar71@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Государственный университет просвещения